

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МЕЖВОЕННОЙ ЮГОСЛАВИИ ПО МЕМУАРАМ Е.В. СПЕКТОРСКОГО

С.И. МИХАЛЬЧЕНКО

*Брянский государственный
университет им. академика
И.Г. Петровского*

e-mail: smikh10@mail.ru

Статья посвящена освещению политической и конфессиональной жизни Югославии (до 1929 г. - Королевства сербов, хорватов и словенцев) в неопубликованных мемуарах известного российского ученого и деятеля высшего образования Е.В.Спекторского.

Ключевые слова: Королевство сербов, хорватов и словенцев, Югославия, русская эмиграция, Е.В. Спекторский.

Одним из популярных направлений гуманитарных исследований последних двух десятилетий является изучение русской эмиграции первой волны. Многие из ее представителей оставили после себя мемуарные и дневниковые сочинения, являющиеся важными источниками по истории русского рассеяния¹. Наряду с воспоминаниями об обстоятельствах собственной жизни, авторы, конечно, не могли обойти стороной и политические, духовные, бытовые реалии тех государств, в которых они оказались. Мемуары, в этой связи, интересны не только для изучения истории собственно эмиграции, но и для исследования истории тех государств, куда забросила судьба их авторов. Одним из таких государств стало Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), куда переселилось – по разным подсчетам – от 40 до 70 тысяч человек из бывшей Российской империи². Значительное место югославским реалиям 1920-х – начала 1930-х годов уделяют хранящиеся в архиве Института Восточной Европы Бременского университета «Воспоминания» выдающегося отечественного ученого-обществоведа Е.В.Спекторского (1875-1951)³. Судьба распорядилась так, что большую часть времени (31 год), отведенного на творческую жизнь, Спекторский провел за рубежом, из которых более двадцати – в Югославии (в Белграде и Любляне)⁴.

Мемуары, судя по замечаниям в тексте, создавались автором в годы Второй мировой войны, когда он проживал в Любляне. К настоящему времени опубликованы отрывки из мемуаров, относящиеся к варшавскому и киевскому периодам жизни Спекторского⁵.

Предлагаемая статья посвящена характеристике отражения некоторых реалий политической и конфессиональной жизни межвоенной Югославии (КСХС) в остающейся пока неопубликованной части мемуаров Спекторского.

Русские эмигранты, прибывшие в январе 1920 г. из Одессы и затем переправленные через Грецию в КСХС, оказались в молодой, только образованной стране. К тому же сильно пострадавшей во время Первой мировой войны. Тем не менее, как вспоминал

¹ См. новейшие исследования мемуаристики эмигрантов: Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: осмысление исторического пути России. Белгород, 2009; Мемуары в культуре русского зарубежья. Сборник статей / Отв. ред. А. Данилевский. М., 2010; Гранков Д.А. Русская усадьба в эмигрантской мемуаристике. Автореф. дисс.... канд.ист.наук. М, 2013.

² Иванович М. Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С.27-45.

³ См. подробнее: Михальченко С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 64-68

⁴ О Спекторском см.: Ермичев А.А. Е.В.Спекторский (1875-1951). Биобиблиографическая справка // Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. Т. II. С.506-521; Ульяновский В., Короткий В., Скиба О. Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. Київ, 2007; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-е – 1940-е годы). Брянск, 2010.С.37-86.

⁵ Воспоминания Е. В. Спекторского. Публ. С.И.Михальченко // Journal of Modern Russian History and Historiography. №3 (2010). P 161–199; Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступит. статья, примеч. и комментарии С.И.Михальченко // Проблемы славяноведения. Брянск, 2010. Вып.12. С.303-390. Mikhalechenko S.I. Polska końca XIX wieku we „Wspomnieniach” Evgenja Vasilevicha Spektorskiego // Res historica. Czasopismo Instytutu historii UMCS. Lublin, 2011. № 32. Str.137-158.

Спекторский, эмигрантов ждал теплый прием. «Добравшись до пограничной станции Джевджели, мы увидели, что попали в братскую страну. Нас встретил сербский священник с крестом на камилавке. Детям дали молоко, взрослым – джеванчичи, т.е. колбаски из разных сортов мяса, и вино. Оттуда мы двигались очень медленно, потому что железнодорожная линия еще не была исправлена после разрушений, произведенных отступавшей армией Маккензена. Мосты были взорваны, вместо станций были землянки, стрелки были разбиты. Так мы добрались до Вранье, простояв ночь в Скоплье»⁶.

Столица Югославии и Сербии Белград представлял удручающее зрелище: «Белград тогда еще не оправился от бомбардировок, – вспоминал Спекторский. В старом здании университета с надписью «Миша Анастасиевић свом отечеству» вместо правой лестницы зияла огромная дыра, левая же лестница была без перил. Там, где впоследствии по плану русского архитектора выстроили новое здание, на куче развалин цвела акация. Целые кварталы (Топчидер, Чукарица, берег Дуная) были полуразрушены. Дворец был необитаем. Умиравший старый король Петр помещался в какой-то топчидерской даче, наскоро приведенной в жилой вид. А его сын регент Александр жил в одноэтажном доме вдовы Крсманич на площади Теразии. Из этого дома была пробита дверь в соседний магазин. Через него по вечерам регент в штатском платье, нахлобучив шляпу на голову, выходил инкогнито гулять пешком и, как Гарун-аль-Рашид, прислушивался к разговорам прохожих. А ночью у окна с револьвером и ручными гранатами ложился спать один из его телохранителей. Торговая жизнь только начинала налаживаться в Белграде. Каждый магазин торговал чем попало»⁷.

С 1924 по 1927 г. Спекторский работал в Праге⁸. Вернувшись в Белград после трехлетнего отсутствия, он обнаружил много изменений. Город стал «менее сербским и более югославянским городом. Много появилось в нем того космополитического «смесительного упрощения», отсутствие которого на Балканах когда-то так пленяло К.Н. Леонтьева. Изменились нравы. На улицах почти совсем нельзя было увидеть женщин в «либадетах» (атласных кофтах) и фесках под закрученной на голове косой. В «отменном» обществе сербы стали «любить», т.е. целовать руки дамам и приветствовать друг друга «кланам се», т.е. кланяюсь, чего не одобряли местные стародумы, ибо «серб никогда никому не кланяется»⁹.

Спекторскому, как юристу-государствоведу, было интересно устройство нового государства. «Мы приехали в еще неофициальное новое государство, – вспоминал он. – Его учредительное собрание открыло свою деятельность только в конце декабря 1920 года. Демократично было то, что в Белграде, в отличие от Варшавы и Праги, было созвано особое учредительное собрание. Но менее демократично было то, что формально оно не было суверенно согласно классической теории и бельгийскому образцу. Рядом с ним уже существовала династия, чем предreshался монархический образ правления в учредительном государстве. И члены собрания принесли присягу на верность королю. Тем не менее, в стране существовала республиканская партия. И в собрании обсуждался и даже голосовался проект социалистов о наименовании нового государства «югославянской республикой». Государство получило компилятивное название «королевства сербов, хорватов и словенцев», сокращенно СХС. <...>Это название как бы предполагало федерализм. В действительности же федералисты предлагали унитарное название «Югославия». Но против этого выступили сербские радикалы и демократы, считавшие Югославию австрийским детищем и придававшие большое значение тому, чтобы сербское имя не исчезло из названия нового государства, хотя бы ценой неуклюжего словосочетания».

Ученый отмечал, что «новое государство оказалось пестрым в вероисповедном, племенном и юридическом отношении. Можно было провозгласить великую Сербию с подчинением ей новых областей. Можно было провозгласить федерацию. В действительности же было создано нечто промежуточное, мало кого удовлетворившее. Было провоз-

⁶ Спекторский Е.В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф.01-30.230.II (Bonač, Vladimir). Л. 432.

⁷ Там же. Л. 441.

⁸ См.: Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Научная и преподавательская деятельность Е.В. Спекторского в Праге (1924-1928 гг.) // Slavia. Praha, 2011. Roc.80. Sesit 2-3. S. 198-205.

⁹ Спекторский Е.В. Указ. соч. Л. 728-729

глашено единство «троименного народа» и «сербско-хорватско-словенского» языка, хотя такого языка нет, как нет и «чехословацкого» языка».

Особую симпатию у Спекторского вызывал регент (затем король) Александр. «Это был статный и элегантный молодой человек, уже успевший пережить много тяжелого. Большой сербский патриот и верный друг России. Трудно перечислить все то добро, не только материальное, но и моральное, которое он сделал всем нам. ... Мы все считали его нашим королем. Иные даже мечтали о том, чтобы после ниспровержения большевиков он стал русским царем. И, когда его убили, мы его оплакивали как близкого нам и дорогого человека»¹⁰.

В отличие от отношения к Александру, его отношение к югославскому правительству было более скептическим «Приехав в Белград мы застали правительство Веснича. Его сменил кабинет Стояна Протича. Потом появился вернувшийся с версальской конференции Пашич. Быстрая смена кабинетов нам напомнила нашу «министерскую чехарду» перед революцией. Но вскоре мы увидели, что причины были иные. Министерское положение в изобилии давало то, что Колеб в одном секретном циркуляре префектам назвал *les faveurs publiques*¹¹ и, что остроумно изобразил сербский Гоголь Нишич в комедии «Госпођа министарка». После нескольких месяцев пребывания в должности министра получалось право на пенсию. И парламентарные партии ниспровергали друг друга, между прочим, и потому, что одни, мол, кормились достаточно, пора и честь знать и уступить место другим. Делопроизводство в министерствах оказалось довольно бестолковым. Бумаги часто терялись»¹².

В целом, Спекторский отмечал огромную волокиту, характерную для решения любого, даже мелкого, дела в югославских государственных учреждениях: «По одному несложному вопросу, касавшегося жалования русских профессоров, наша делегация (Билимович, Тарановский и я) имела свыше пятидесяти хождений по присутственным местам. Иногда требовалась резолюция самого министра по совершенно мелким делам. Так, например, как и другие чиновники, я получил однажды ордер на право покупки одного метра дров за собственноручной подписью министра лесов и рудников». Ужасала Спекторского и коррупция, процветавшая в сербском истеблишменте. Когда Степана Радича назначили министром просвещения, он «первым делом сделал громадный заказ в собственном книжном магазине из казенного ассигнования на приобретение учебников»¹³. Причиной развития этого явления Спекторский видел как наследие турецкого прошлого с его «бакшишем», так и «первоначальное накопление», когда государственная служба понималась как кормление.

Не лучше, чем в правительстве, обстояли дела в скупщине (парламенте). «Ее заседания постоянно осложнялись тем, что в протоколах французской палаты именовалось *mouvements divers*¹⁴. Это дало стародумам основание называть парламент «прляментом», от слов «прлави» - грязный. А глава демократической партии Люба Давидович жаловался на превращение скупщины в кабак: раньше депутаты говорили как в церкви с амвона, а теперь, когда дети ругают друг друга, они оправдываются тем, что играют в парламент». Особенно отличались хорватские депутаты, которые «перешли всякую меру. Повидимому, они решили спровоцировать сербов с тем, чтобы иметь повод покинуть с треском скупщину и начать в Загребе чисто сепаратистскую работу». Их деятельность закончилась перестрелкой и убийством нескольких человек в парламенте¹⁵.

Важнейшей частью жизни югославянских народов была религиозная составляющая.

Первые впечатления от встречи с православной церковной жизнью в приютившей эмигрантов Сербии показали довольно сильные различия от русских православных реалий.

«В первое же воскресенье мы пошли в церковь, – вспоминал Спекторский. – Она оказалась пустой. Кроме священника и нас, русских, в ней не было никого. Мы еще не знали соответственного сербского «менталитета». Сербь очень дорожили православием,

¹⁰ Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 502.

¹¹ Общественные милости (*фр.*)

¹² Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 508.

¹³ Там же. Л. 509.

¹⁴ Различные движения (*фр.*)

¹⁵ Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 758.

ибо оно было их духовной опорой в борьбе против турок «за крейчасни и слобод у златну». Как подчеркивал мемуарист, «их понимание христианства героическое, а не аскетическое. Они чтят память священников, возглавлявших партизанские отряды. И толстовское понимание религии им совершенно чуждо. Продолжительное пребывание под турецким владычеством отучило их от хождения в церковь. Домашняя «слава» как бы заменяла им литургию. Кроме того, они распространили и на религию начало разделения труда. Солдат воюет, купец торгует, чиновник служит, земледелец пашет, а священник за них всех молиться. В сербской литературе есть рассказ о том, как один селяк впал в благочестие и запустил свою ниву, за что его отчитал поп: мое дело молиться, а твое – пахать. В белградских канцеляриях почему-то чиновники должны были являться по воскресеньям утром на службу. Они ничего не делали, пили турецкий кофе, но все-таки их не отпускали. И вот один русский, принятый на службу, отпросился в церковь. Шеф высказал предположение, что он хочет отслужить парастос, т.е. панихиду, по родным и охотно отпустил его. Но, когда тот опять отпросился и в следующее воскресенье, шеф возмутился: вы не монахи, а чиновники»¹⁶.

Полной людей церковь в местечке Вранье, где остановились эмигранты, только что прибывшие из России, оказалась только в первое воскресенье великого поста. Спекторский был немало удивлен особенностями сербского богослужения, в частности, отсутствием индивидуальной исповеди: «Когда священник вышел с дарами и сказал: «со страхом Божиим и верой приступите», никто не приступил. Но, когда обедня кончилась, сербы подошли к амвону. Священник прочитал молитву и стал их причащать. При этом взрослые разговаривали друг с другом, а бывшие на хорах дети шумели, плевали вниз и вообще вели себя очень не благоговейно. Но мне понравилось отсутствие личной исповеди». Факт отсутствия личной исповеди в сербской церкви навел Спекторского на более общие размышления, на сравнения католицизма и православия. «Я вспомнил случай, – писал мемуарист, – как в одной уездной церкви во время исповеди раздался голос одного офицера: «Я, батюшка, грешен и каюсь, но вашего любопытства удовлетворять не намерен». Вспомнил я католические исповедальни с визитными карточками и указанием приемных часов «духовных директоров», отпускающих не только прошлые, но и будущие грехи. Вспомнил я и казуистику когда-то прочитанного мной руководства к исповеди, составленного Альфонсом Лигурийским. И мне показалось, что индивидуальная исповедь свойственна только католичеству, и что она проникла в православие через Петра Могилу вместе с другими западными влияниями. Так, например, православная формула таинств безлична: «крещается, венчается раб Божий такой-то». Католическая же формула заменяет мистический процесс личным актом священника: «я крещая, я венчаю». И вот как раз в нашу формулу таинства покаяния вперлось нечто католическое, ехорегорепантис: «и аз, недостойный иерей».

Спекторский, не доверяя своим богословским познаниям, спросил у известного специалиста по истории церкви А.П.Доброклонского, не ошибается ли он, считая, что сербы, не поддаваясь католическому влиянию, сохранили древнюю христианскую форму покаяния, когда священник читает общую молитву, а каждый кается про себя. На это тот ответил, что «это только отчасти верно и что в России личная исповедь появилась и независимо от католичества, а именно в связи со старчеством. Но тогда получается нечто совсем иное. Одно дело, когда лица со смущенной совестью обращаются к человеку, прославившемуся святой жизнью, открывают ему свою душу и получают наставление от его мудрости, поднявшейся над земной суетой. И совсем другое дело формальная треба или исповедь перед действительно недостойным иереем, живущим меж детей ничтожных мира. Мне казалось, что и некоторые другие особенности сербского богослужения ближе к древней христианской традиции, чем то, к чему привыкли мы, русские. Так, например, пасхальная заутреня у них служится в четыре часа утра, а не в полночь, как у нас, что может быть, сделано для удобства господ»¹⁷.

Важной частью жизни русских эмигрантов было устройство русской церкви в Белграде. «Она помещалась сначала в трех комнатах, устроенных железнодорожной дирек-

¹⁶ Спекторский Е.В. Указ.соч. Лл. 435-436.

¹⁷ Там же. Лл. 436-438.

цией, потом в актовом зале одной гимназии, затем в сарае на старом кладбище, пока, наконец, для нее не было выстроено небольшое собственное здание. Ее настоятелем был отец Петр Биловидов. Человек без высшего духовного образования, он оказался прекрасным проповедником и законоучителем, а также большим любителем и знатоком церковного пения»¹⁸. Как отмечал Спекторский, Биловидов «заслужил почетное место в истории русской церковной жизни в Белграде».

Присутствие русских священников в жизни КСХС не ограничивалось одним храмом в Белграде. Некоторые русские священники получили сербские приходы в провинции. Как вспоминал не без иронии Спекторский, «про одного из них рассказывали, что, когда по просьбе больных он стал служить молебны об их здравии, то местный врач заявил претензию, что он нарушает начало разделения труда: пока больной жив, он состоит в ведении врача; и только, когда он умирает, он передается священнику. Про другого говорили, что к нему однажды пришла женщина с просьбой отслужить молебен о здравии заболевшего Мирка. Священник спросил: «Что, он лежит?» Она ответила: «Нет, стоит» – «И как стоит?» – «Да ведь это конь». – «Как же я могу служить молебен: ведь это не человек». – «Он лучше человека, он мне как сын». – «Да у него нет души». – «А я заплатила за него пять тысяч динар». Кончилось тем, что священник прочитал молитву над конем и покropил его»¹⁹.

Не случайным после таких происшествий было двойственное отношение сербского духовенства к русскому. «С одной стороны, ему было оказано широкое гостеприимство и предоставлена автономия под главенством митрополита Антония». С другой стороны, проявлялась определенная ревность. Так, «первоначально русским священникам не позволяли служить панихид на русских могилах. С неудовольствием отнеслись к сооружению русской церкви возле сербской церкви св. Марка (в ней во время войны немцы похоронили останки убитых сербами Александра Обреновича и его жены Драги). Еще с большим неудовольствием отнеслись к сооружению русской церкви на кладбище». При этом Спекторский соглашался, «что в данном случае сербы имели основание считать, что их обманули. Было дано разрешение на постройку копии разрушенной большевиками Иверской часовни в Москве. Снаружи так оно и получилось. Но внутри вместо часовни оказалась церковь»²⁰.

Спекторский оставил немало метких и не всегда лицеприятных описаний представителей югославского духовенства. Характеризуя возглавлявшего Сербскую православную церковь патриарха Димитрия, он вспомнил, в частности, об устроенном им в 1921 г. парадном обеде в честь русских: «Нас, привыкших к тому, что архиереи едят только постную пищу, поразило меню обеда: четыре мясных блюда. Патриарх ел с большим аппетитом, после чего начал ковырять зубочисткой в своих собственных и вполне здоровых зубах. А ему уже было 80 лет». Важную роль в жизни церкви играл и епископ охридский Николай. Он оказался «вдохновенным проповедником и автором интересных религиозно-философских статей ... Его считали масоном и отчасти даже еретиком, так что ему одно время не позволяли проповедовать в Белграде. Однажды он служил в нашей церкви и произнес на русском языке такую проповедь, что многие плакали»²¹. Вспоминал Спекторский и других иерархов.

Из православных праздников особенно запомнилось мемуаристу празднование Рождества, которое в Сербии празднуется «очень шумно, с выстрелами и петардами, чтобы поздравить Бога с рождением сына. По-сербски Рождество – «Божич», уменьшительное от Бога, «Боженьска». В сочельник вместо немецкой елки у сербов полагается «бадняк»: дубовые ветки с пожелтевшими листьями сжигаются в очаге. В Белграде за этими ветками отправляется в лес Кошутняк, длинная вереница военных частей с оркестром и частных автомобилей. Гвардейцы доставляют королю во дворец украшенный лентами бадняк. Он же осыпает их житом»²².

¹⁸ Спекторский Е.В. Указ.соч. Лл. 452-453.

¹⁹ Там же. Л. 507.

²⁰ Там же. Лл. 507-508.

²¹ Там же. Л. 506.

²² Там же. Л. 795-796.

С 1930 по 1945 г. Спекторский жил в словенской части Югославии и преподавал в Люблянском университете. Хотя мемуары оканчиваются на 1932 г., они все же содержат характеристику церковной (преимущественно, католической) жизни этих мест. Как подчеркивал Спекторский, значительное влияние на религиозную жизнь Словении оказала Австрия – «австрийская традиция пользовалась симпатией католического духовенства, не могшего примириться с заменой апостолического величества Габсбургов схизматическими Караджорджевичами». При этом «православие считалось неприятелем №1. Когда в Словении появились наши эмигранты, – продолжал Спекторский, – двух русских растерзали только за то, что они православные. Бем рассказал мне, как «жупник», т.е. приходской священник в Мирне объяснил в церкви смысл образования королевства СХС: «прежде у нас был император, а теперь король; император был нашей веры, а король чужой». Должно быть, не без влияния духовенства словенское население Корошки высказалось за присоединение к Австрии. Многим клерикалам улыбалась мысль об автономной Словении в составе восстановленной Австрии с Оттоном Габсбургским на престоле и о католическом поясе, тянущемся от Польши через Словакию, Венгрию, Австрию, Словению и Хорватию к Италии и Ватикану. Ненависть к сербам питалась австрокатолицизмом, вдохновившим песню «Srbe o vrbe» (повесить сербов на вербы), которую во время мировой войны распевали даже лица, сделавшие впоследствии в Югославии большую карьеру»²³.

К метким характеристикам сербских иерархов Спекторский прибавил портрет словенского епископа Еглича. «Когда я приехал в Люблян, – вспоминал Спекторский, – престарелый knezožkof, т.е. князь епископ Еглич был уже на покое. Этот Еглич как-то скупил и уничтожил все издание книги Цанкара «Эротика». Но вышло ее второе издание. И оно распространилось довольно широко. Самого же его упрекали, что он написал «Советы молодоженам» порнографического содержания. ... Еглич был меценат. На свои средства он построил в Шент Виде гимназию с интернатом. И он же дал сто тысяч на издание роскошного тома по поводу десятилетия люблянского университета. Его преемником был бывший профессор церковного права Рожман, краснощекий, жизнерадостный человек, большой любитель альпийских восхождений»²⁴. В целом же, по мнению автора воспоминаний, «словенское духовенство далеко не было однородно. И в его среде проявилась борьба отцов и детей. Как он отмечал, «стремление части молодого поколения священников к социальной правде вылилось в большевизанство. Антагонизм обнаружился, когда был закрыт один католический журнал, выразивший симпатии к красной Испании»²⁵.

Наиболее раздражавшим Спекторского моментом была торговля индульгенциями. Он описал такой случай: «Один словенец Барага, бывший миссионером среди американских краснокожих, был канонизован. Среди его родственников был собственник писчебумажного магазина в Любляне, тоже Барага, и ученица моей жены Туши Лейтгиб. Словенское духовенство содержало какую-то миссию в Индии. Однажды оно устроило особый павильон на «велесейме», т.е. выставке, посвященной этой миссии. Я купил в этом павильоне открытку с портретом Бараги. На ее обороте я прочел, что за израсходованный мной динар я приобрел не только изображение миссионера, но еще и отпущение каких-то грехов». «Вообще в Словении торговля индульгенциями процветала, – делал вывод Спекторский. – На какие средства при этом пускались иные духовные лица, видно хотя бы из распространенного не только среди одних баб с платочками на головах «расписания поездов в царство небесное»: тут были и экспрессы, и скорые поезда, и пассажирские, и притом, всех трех классов»²⁶. По мнению православного Спекторского, «во всем этом сказывался дух католической этики с ее иерократической гетерономией, согласно формуле *nil sine episcopo*, оттеснявшей Христа и т.п. заявление: «без Мен можете сотворити ничесо ж». Между Богом и человеком помещается посредник в лице «духовного директора», как выражаются французы; его задача авторитетно давать в конфессионале экспертизу относительно того, нравственно ли, безнравственно или же полунравственно то или иное деяние, прошедшее, настоящее или будущее, а затем отпускать соответственное прегрешение за то или иное мо-

²³ Спекторский Е.В. Указ.соч. Лл. 843-844.

²⁴ Там же. Л. 847.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 848.

ральное или материальное возмещение. Все это создавало во многих случаях атмосферу лицемерия». При этом мемуарист не мог не отметить, что «много лиц, особенно женского пола, были беззаветно преданы церкви». С другой стороны, «несмотря на клерикализм, в некоторых местах Словении господствовало грубое суеверие еще языческого происхождения: вера в «Зеленого мужа», «жаль жену» и т.п.»²⁷.

Завершая характеристику религиозной жизни Словении, Спекторский отмечал: «Как и в других католических странах, население Словении резко делилось на «практикующих», как говорят французы, и атеистов, на клерикалов и ненавистников церкви ... Не было той добродушно-скептической и терпимой середины, которая характеризует православный, в частности и наш русский быт. В демократических люблянских газетах, также как и в пражских, крайне шокировало то, что слово «Бог» писалось с маленькой буквы. Вся религия сводилась к клерикализму и христианство – к папизму»²⁸.

Таким образом, как представляется, мемуары Спекторского являются важным источником по истории политической и конфессиональной жизни межвоенной Югославии.

POLITICAL AND CONFESSIONAL LIFE OF INTERWAR YUGOSLAVIA ON MEMOIRS BY E.V. SPEKTORSKY

S.I. MIKHALCHENKO

*Bryansk State University named
after Academician I.G.Petrovski*

e-mail: smikh10@mail.ru

Article focuses on the characteristics of political and religious life of Yugoslavia (until 1929 - Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes) in the unpublished memoirs of the famous Russian scientist and leader of higher education E.V.Spektorsky.

Keywords: Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Yugoslavia, Russian emigration, E.V.Spektorsky.

²⁷ Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 849.

²⁸ Там же. Лл. 849-850.